

ОБ ОДНОМ «БИБЛЕЙСКОМ» ПЛЕМЕНИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ

М. ГОРЬКОГО И И. А. БУНИНА

И. С. Урюпин

ABOUT A "BIBLICAL" TRIBE IN THE ART CONSCIOUSNESS OF M. GORKY AND I. BUNIN

I. S. Uryupin

В статье в широком историко-культурном и религиозно-философском контексте рассматривается бытие и функционирование восходящего к Библии культуронима/смыслообраза/эйдоса «амаликитяне» в произведениях М. Горького и Ив. Бунина, выявляется его историософский и мифопоэтический потенциал. Мифосуггестивное имя ветхозаветного племени амаликитян в культурно-философском сознании человечества приобрело архетипический смысл, различные семантические грани которого актуализировали М. Горький в рассказе «Бывшие люди» и Ив. Бунин в автобиографическом романе «Жизнь Арсеньева».

The paper focuses on the matter and functioning of the biblical culturonym/semantic image/eidos "Amalekites" in M. Gorky and I. Bunin's works. The concept is considered in a wide historical and cultural and religious and philosophical context, its historical, philosophical, mythological and poetic potential is revealed. The name of the tribe of Amalekites mentioned in the Old Testament and appealing to myths acquired an archetypic meaning in the cultural and philosophical consciousness of mankind; its semantic shades were appealed to in M. Gorky's story "Former People" and in I. Bunin's autobiographical novel "Arsenyev's Life".

Ключевые слова: М. Горький, И. А. Бунин, библейский текст в русской литературе, амаликитяне, архетип, прецедентный феномен.

Keywords: M. Gorky, I. A. Bunin, biblical text in the Russian literature, Amalekites, archetype, case phenomenon.

Размышляя «о поэзии в Библии», В. В. Розанов отмечал удивительную особенность Священного Писания, в котором явственно выразилась «вся плоть человеческая, весь круг ее, начало и завершение, – все» [14, с. 460], и потому каждое слово в ней, будучи свидетельством Бога о мире, содержало глубинный духовно-символический смысл, и каждый, даже самый незначительный на первый взгляд, сюжетный ход, констатирующий *бытие* мифологических героев и событий в их «исторической» перспективе, в сознании русского человека окружался ореолом тайны. Такой ореол тайны с древнейших времен, когда начало распространяться на Руси христианство, и вместе с богослужебными византийскими книгами в духовную жизнь русского народа вошла Библия, воспринятая им как великая «книга былей», стал сопутствовать всем отраженным в ней фактам и событиям, именам и реалиям, вызывавшим чувство священного трепета и благоговения.

Особый интерес у приобщившегося к божественному промыслу соотечественника, до которого, по словам киевского митрополита Илариона (XI век), «вера бо благодатнаа по всей земли прострся и до нашего языка рускааго дойде» [7, с. 44], проявился к неведомым, легендарным народам, уже ушедшим с авансцены истории и уступившим место другим, просветившимся светом Христовой Правды: «Лепо бо бе благодати и истине на новы люди въсиати: не въливають бо, по словеси господню, вина новааго учения благодатна въ мехы ветхы, обетъшавъши въ иудеистве <...> Нь ново учение – новы мехы, новы языки» [7, с. 44]. Старые же – «ветхие» – народы/языки, населявшие Святую землю (моавитяне, аммонитяне, амаликитяне, филистимляне, хананеяне, мадианитяне, сидоняне и пр.), по воле Всемогущего Яхве покорившиеся «избранному народу» и растворившиеся в его недрах, стали с тех пор «притчей во языцех» (Втор. 28, 37).

Поистине «притчей» (в значении «предмета общих разговоров» [10, с. 127]) в библейской истории Ветхого Завета оказалось племя *амаликитян*, названное в Священном Пятикнижии Моисеевом «первым из народов» (Чис. 24, 20) хананейских. Занимая обширную территорию к югу от Палестины, между Эдомом и Египтом, амаликитяне, отличавшиеся могуществом и воинственностью, были «разбиты в битве с сынами Израилевыми при Рафадиме, и за свой грех, что противодействовали благостоянию народа Божия, подверглись Его страшному суду», да так, что «над ними исполнилось слово Господне, и имя их исчезло с лица земли» [1, с. 38]. С тех пор всякое упоминание об этом народе вызывало как у иудеев, так и у христиан неизменные ассоциации с Божественной карой и возмездием, и само имя амаликитян, войдя в разряд «прецедентных феноменов», приобрело статус «имени-символа, указывающего на некоторую эталонную совокупность определенных качеств» [13, с. 107], главное из которых – противоборство судьбе/Богу = богоборчество.

Однако «богоборчество» амаликитян, предопределенное свыше и позволившее пророку Моисею «на месте победы» над дерзким племенем Амалика воздвигнуть «жертвенник под названием Иегова Нисси (Господь знамя мое)» [9, с. 115], в религиозном сознании христиан, проецировавших сюжеты и образы Священной Истории на духовное бытие единоверцев, прочно связывалось с торжеством богочеловеческого закона/«знамени Господня» над человекобожеским своеволием. Диалектика *богочеловеческого* и *человекобожеского* начал, фундаментальная основа православной онтологии и аксиологии, во всей метафизической глубине осмысленная Ф. М. Достоевским и ставшая предметом постоянных рефлексий отечественных мыслителей рубежа XIX – XX веков, не выходила за пределы новозаветной традиции. А между тем едва ли не все сакральные образы и мифологемы

Евангелий имеют ветхозаветный исток, в том числе и главный символ христианского спасения и искупления – крест – восходит к той части Священного Писания, в которой повествуется об амаликитянах. «Сам Моисей во время битвы (с амаликитянами. – И. У.) стоял на горе, наблюдая за ходом сражения и придавая чудесную силу своим воинам поднятием своих рук, знаменовавших силу молитвы и прообразовавших силу креста» [9, с. 115].

Чрезвычайно мифосuggestивное имя этого «библейского» народа, противоборствовавшего Единому Богу (а потому амаликитяне не случайно упоминаются в различных мусульманских легендах и преданиях, в которых «выступают как древний народ Аравии, связанный с историей пророка Худа» [12, с. 65]), в культурно-философском сознании человечества стало архетипическим и «во всех случаях», по замечанию М. Б. Пиотровского, вызывало ассоциации с образом «народа-притеснителя, народа-угнетателя» и «в конечном счете» – «побеждаемого врага» [12, с. 65]. В русской духовно-религиозной традиции за амаликитянами закрепилось представление как о некоем *таинственном – чуждом – чужом – непонятном* народе. Такое представление нашло отражение и в «египетской повести» Н. С. Лескова «Гора» (1888, 1890), написанной на сюжет древнерусского Пролога от 7 октября, один из героев которой, «старый амаликитянин», противопоставляет себя александрийско-римскому миру: «Я не здешний» [8, с. 6]. Маргинальность амаликитянина в произведении Н. С. Лескова, проецируемая на маргинальность амаликитян как народа, оказавшегося в историческом тупике по отношению к магистральному движению человечества в его устремленности к «Абсолютному Духу» (Г. В. Гегель), в социокультурном и нравственно-философском контексте русской литературы рубежа XIX – XX веков приобретала отчетливо выраженный символический смысл. Однако несомненный сверхрационально-аллегорический потенциал имени легендарного ветхозаветного племени обнаруживается не только в «библейских» текстах В. Я. Брюсова и Д. С. Мережковского, прямо ориентированных на эстетику символизма, но и в творчестве писателей, остававшихся по преимуществу в орбите реализма, как М. Горький и И. А. Бунин.

В художественном сознании и М. Горького, и И. А. Бунина – при всем их разнонаправленном идейно-эстетическом движении в пространстве русской литературы – нередко возникают восходящие к Библии первосмыслы и первообразы, в которых сконцентрированы глубинные нравственно-философские проблемы, актуализируемые нередко через систему имплицитно-эксплицитных мифологем. Ассоциативно-аллюзийными маркерами этих мифологем зачастую выступают разного рода культуронимы, к числу которых относится и имя «библейского» племени – амаликитяне. В рассказе М. Горького «Бывшие люди» (1897) оказавшийся «на дне» жизни «первый» постоялец ночлежного дома Аристида Кувалды тряпичник Тяпá, все время погруженный в чтение «Библии, такой же старой и грязной, как сам он» [4, с. 186], пытается разобраться в перипетиях Священной Истории, разгадать «логику» и «диалектику» божественного промысла, возвышающего одних и сокрушающего других

народы и государства. Судьба амаликиан не дает ему покоя. В беседе с бывшим учителем («Вот – ты ученый был... Библию-то читал?» [4, с. 186]) старик тряпичник интересуется: «Помнишь, были там амаликитяне? <...> Где они теперь?» [4, с. 187]. «Исчезли, Тяпá, – вымерли», – с полной уверенностью ответил учитель, недоумевая над очевидностью ответа и риторичностью самого вопроса, в постановке которого между тем чувствовалась какая-то глубокая подоплека, проступающая в череде вопрошаний: «– А филистимляне? – И эти тоже... – Все вымерли? – Все... – Так... А мы тоже вымерем? – Придет время – и мы вымерем, – равнодушно обещал учитель» [4, с. 187].

Печальная участь, уготованная свыше даже самым могущественным народам, переживающим, по Л. Н. Гумилеву, «ряд дискретных процессов – этногенезов» [5, с. 67] – от исторического «рождения» до исторической «смерти», а потому рано или поздно обреченным стать «бывшими», вызывает у горьковского персонажа чувство тревоги и отчаяния, но вместе с тем и напряженный поиск некоего Абсолюта, утверждаемого Библией. Тяпа не может смириться со своим нынешним состоянием «бывшего человека», ищет оправдания и предназначения своего бытия, равно как и бытия своего народа, которому, убежден тряпичник, предопределено особое назначение в вечности и историческом времени. Отсюда весьма болезненная для героя попытка самоидентификации – личной и коллективно-этнической («А от которого мы из колен Израилевых?»), ибо все человечество происходит из единого корня: «От господ – Адам, от Адама – евреи, значит все люди от евреев... И мы тоже» [4, с. 187]. Все аргументы учителя, который «стал рассказывать о киммерийцах, скифах, славянах» как первопредках русского народа, были решительно отвергнуты стариком: «Врешь ты все! <...> Какие ты народы назвал? Нет их в Библии» [4, с. 187].

«Кто мы?» – этот вопрос, не дающий тряпичнику покоя, становится лейтмотивом всего рассказа М. Горького наряду с мотивами поиска смысла существования человека – «бывшего» и «настоящего», пытающегося понять свое предназначение в мире: в семье, обществе, государстве, народе. Не случайно писателем очень остро была поставлена проблема национально-культурной идентичности русского народа и его места в мировой истории. «– Был ты ученый... должен знать – кто мы? – Славяне, Тяпа, – ответил учитель. – Говори по Библии – там таких нет. Кто мы – вавилоняне, что ли? Или – эдом?» [4, с. 187]. Феномен славянства и его цивилизационной самобытности, глубоко и всесторонне осмысленный К. Н. Леонтьевым, а вслед за ним и Н. Я. Данилевским, в конце XIX века наряду с эллинизмом, латинством, германизмом оказывается вовлечен в духовно-культурную орбиту Священного Предания, «санкционирующего» бытие исторических народов. «Всемирно-исторический опыт, – утверждал Н. Я. Данилевский, – говорит нам, что ежели славянство не будет иметь этого высокого смысла, то оно не будет иметь никакого», и ему «ничего другого не остается, как распуститься, раствориться и обратиться в этнографический материал» [6, с. 142], подобно библейским амаликитянам. А потому так важно уяснить место русского народа в священной иерархии. «Значит, в народах, богу извест-

ных, – русских нет?» – вопрошает Тяпа. – «Неизвестные мы богу люди? Так ли? Которые в Библии записаны – господь тех знал... Сокрушал их огнем и мечом, разрушал города и села их, а пророков посылал им для поучения, – жалел, значит» [4, с. 187].

«А мы как же? Почему у нас пророков нет?» [4, с. 187], – эти вопросы, так и оставленные без ответа, будут волновать горьковского старика на протяжении всего рассказа: «Кто мы? То-то! Почему у нас нет пророков? А где мы были, когда Христос по земле ходил?» [4, с. 188]. В уста народного правдоискателя и толкователя Библии писатель вкладывает аргументы горячего спора современников о миссии русского народа и его «национальном мессианизме» (Е. Н. Трубецкой): является ли русский народ «историческим», «Богу известным»/«богоносным», избран ли он Господом, как народ еврейский, или забыт и отвергнут, как амаликитяне, есть ли у него будущее или он обречен стать «бывшим»? «Разве целый народ может умереть? Народ русский не может исчезнуть <...> он в Библии записан, только неизвестно под каким словом. <...> Народ не может умереть, человек может... а народ нужен богу, он строитель земли» [4, с. 188]. Даже пресловутые амаликитяне, убежден Тяпа, «не умерли – они немцы или французы» [4, с. 188], само существование которых имеет смысл лишь постольку, поскольку они выступают орудием божественного промысла о мире, человеке и человечестве. Позиция горьковского героя – «старика», во всем уповающего на Библию, у самого писателя, имевшего весьма сложное и неоднозначное отношение к религии и «мессианскому» духу вообще, нередко вызвала иронию. В статье «О старичках» М. Горький точно охарактеризовал категорию людей, подобных тряпичнику Тяпа: «Наш старичок, – пустяковый человек, однако он тоже типичен. Его основное качество – нежная любовь к самому себе, к “вечным истинам”, которые он вычитал из различных евангелий, и к “проклятым вопросам”, которые не разрешаются словами» [3, с. 158]. Стремление персонажа разгадать смысл своего существования и убедиться с том, что мы – не амаликитяне, исчезнувшие с лица земли, при всем различии художественного сознания героя и автора, вызывало у М. Горького уважение. Имя библейского племени – амаликитяне, ставшего символом растворившегося в небытие народа, привлекало не только М. Горького (но в силу известных политических обстоятельств этот факт никак не подвергся осмыслению в советском горьковедении, не нашел отражения и в комментариях к собранию сочинений писателя), но и И. А. Бунина, размышлявшего в своих произведениях об исторической судьбе русского народа. В этих размышлениях писателя об *историческом призвании исторического народа* так же, как и в художественном дискурсе М. Горького, особое место отводится амаликитянам.

Имя легендарного библейского народа встречается в романе И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева» (1927 – 1933) неоднократно. Именно с амаликитянами ассоциируется у героя конец детства и начало отрочества, когда после вступительных испытаний в гимназию, где его в числе прочего попросили рассказать, «кто такие были амаликитяне» [2, с. 42], «Алеши не стало», а появился «Арсеньев Алексей, ученик первого класса

такой-то мужской гимназии» [2, с. 40]. И с тех пор таинственные амаликитяне стали казаться воплощением гимназической рутины, того бесполезного знания классической древности, которое бесконечно далеко от современности, от реальных и насущных проблем и забот привольной жизни в имении «среди моря хлебов, трав и цветов» [2, с. 7]. «Совершенно справедливо говорил отец», признавался герой романа, вспоминая свои отроческие годы с высоты прожитых лет: «– И на черта ему эти амаликитяне?» [2, с. 44]. «На что мне были амаликитяне?» [2, с. 48] – вопрошал Арсеньев, окидывая мысленным взором череду гимназических хлопот и волнений, городскую суету и неизбежный разрыв с родовым гнездом, родительским домом, безмятежная жизнь в котором стала казаться настоящим сном: «<...> все сон! Грустный ли, тяжелый ли? Нет, все-таки счастливый, легкий...» [2, с. 48].

В книге «Жизнь Бунина. 1870 – 1906» В. Н. Муромцева-Бунина, повествуя о становлении личности будущего писателя, о его детских впечатлениях, навсегда оставшихся в памяти, упоминала тот же самый эпизод об «амаликитянах», что был художественно развернут в романе: после возвращения из Ельца в Озерки «отец все повторял: “Зачем ему эти амаликитяне?”», сетуя на то, что «экзамены оказались легкими» [11, с. 41] и разочаровали все лето готовившегося к ним со старшим братом Юлием Ивана. Этот же вопрос «Зачем ему амаликитяне?» задал отец И. А. Бунина и спустя несколько лет, когда «после Святков пришло время ехать в Елец», и «Ваня твердо заявил, что он не хочет больше возвращаться в гимназию» [11, с. 62]. Но теперь уже в словах отца звучало не только осуждение, но и оправдание поступка сына, решившего подготовиться к аттестату зрелости самостоятельно, получив не абстрактные знания о никому ненужных амаликитянах, а самые настоящие знания о реальной, подлинной жизни человека «во Вселенной, в бесконечности времени и пространства» [2, с. 212]. В романе «Жизнь Арсеньева» судьба человека вписана в вечный круговорот бытия, в «ветхозаветную» парадигму [15], в которой наряду с любимой героем Книгой Екклесиаста, источником мудрости, и вдохновенной Псалтирю часто вспоминается история библейского племени амаликитян из Книги Бытия, которому «в “последние дни”» суждено стать «главным народом» [16, с. 863].

В художественном сознании и И. А. Бунина, и М. Горького, сформированном культурно-религиозной традицией «бытового православия» (Н. А. Бердяев), ставшего неотъемлемой частью русского национального мирозобраза, амаликитяне, неизменно ассоциируясь с библейской древностью, явились символом божественного предопределения судьбы *исторического* народа, разгадать великий смысл которого («зачем эти амаликитяне?») – значит уяснить сущность бытия отдельного человека/личности в его духовной ретро- и перспективе.

Литература

1. Библийская энциклопедия / сост. арх. Никифор. М.: ТЕРРА, 1990. 902 с.
2. Бунин И. А. Собр. соч.: в 6 т. Т. 5. М.: Сантакс, 1994. 480 с.
3. Горький М. Публицистические статьи. Л.: ОГИЗ - ЛЕНГИХЛ, 1933. 415 с.
4. Горький М. Рассказы. Пьесы. Мать. М.: Худож. лит., 1977. 671 с.
5. Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: Эксмо, 2008. 848 с.
6. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Эпоха столкновения цивилизаций. М.: Алгоритм, 2014. 592 с.
7. Иларион. Слово о Законе и Благодати // Красноречие Древней Руси (XI – XVII вв.). М.: Сов. Россия, 1987.
8. Лесков Н. С. Собр. соч.: в 12 т. Т. 10. М.: Правда, 1989. 416 с.
9. Лопухин А. П. Библийская история Ветхого Завета. Монреаль: Издание братства преп. Иова Почаевского, 1986. 402 с.
10. Михельсон М. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний: в 2 т. Т. 2. М.: ТЕРРА, 1994. 832 с.
11. Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. М.: Советский писатель, 1989. 512 с.
12. Пиотровский М.. Амалик // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. Т. 1. / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Рос. энциклопедия, 1994.
13. Распаева Г. Д. Прецедентные феномены со сферой-источником «Ветхий Завет» в произведениях Л. Н. Толстого // Мировая литература в контексте культуры: сборник статей / под ред. Н. С. Бочкаревой. Пермь, 2008.
14. Розанов В. В. Уединенное. М.: Политиздат, 1990. 543 с.
15. Урюпин И. С. Ветхозаветный текст в романе И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Метафизика И. А. Бунина: сборник научных трудов. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2014. Вып. 3. С. 34 – 39.
16. Щедровицкий Д. В. Введение в Ветхий Завет. М.: Теревинф, 2003. 1088 с.

Информация об авторе:

Урюпин Игорь Сергеевич – доктор филологических наук, профессор кафедры теории и истории литературы, директор Института филологии Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина, 8-904-219-88-07, isuryupin78@mail.ru.

Igor S. Uryupin – Doctor of Philology, Professor at the Department of Theory and History of Literature, Director of the Institute of Philology, I. A. Bunin Yelets State University.

Статья поступила в редколлегию 20.10.2014 г.